

ФОЛЬКЛОРИСТИКА

Научная статья
УДК 398.89(470.47)
ББК 82.3 (2Рос.Кал)-433
Б 27

DOI: 10.53598/2410-3489-2023-1-312-72-80

Песни о сибирской ссылке в фольклорной традиции калмыков (на материале полевых исследований) (Рецензирована)

Тамара Горяевна Басангова

*Калмыцкий государственный университет, Элиста, Россия,
Basangova49@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4415-3530>*

Аннотация:

В статье исследуется цикл песен о сибирской ссылке калмыков, жанровое обозначение которых определяется как песни, исполнявшиеся тайно, только в пределах своей среды, в данном случае среди калмыков, которые находились в ссылке в Сибири, на Крайнем Севере, Сахалине. Часть текстов впервые введены в научный оборот. «Тайные» песни, чаще всего, – это продукт женского творчества. Сибирские песни – другое жанровое обозначение песен этого периода (1943-1957). Впервые введен термин «потаенный», как в других фольклорных традициях. Некоторые из текстов сибирского периода можно отнести к песням-плачам. Глубокое исследование песен сибирского цикла, введение в научный оборот – задача современных исследователей, так как в фольклоре монгольских народов песни сибирского периода являются феноменом.

Ключевые слова: жанры фольклора, калмыцкие песни, жанры, Сибирь, авторская песня, историческая песня, потаенная песня.

Для цитирования: Басангова Т. Г. Песни о сибирской ссылке в фольклорной традиции калмыков (на материале полевых исследований) // Вестник Адыгейского государственного университета. Сер.: Филология и искусствоведение, 2023. Вып. 1 (312). С. 72-80. DOI: 10.53598/2410-3489-2023-1-312-72-80.

Original Research Paper

Songs about the Siberian exile in the folklore tradition of the Kalmyks (based on field research)

Tamara G. Basangova

*Kalmyk State University, Elista, Russia,
Basangova49@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4415-3530>*

Abstract:

The article examines the songs about the Siberian exile of the Kalmyks, the genre designation of which is defined as songs that were performed secretly and only among

themselves. Particularly, among the Kalmyks, who were exiled to Siberia, the Far North and Sakhalin. Some of the texts have been introduced into scientific circulation for the first time. «Secret» songs are most often a work of female creativity. Siberian songs are another genre designation for songs of this period (1943-1957). In this article, the term «hidden», which exists in other folklore traditions, is introduced for the first time. Some of the lyrics of the Siberian period refer to songs - laments. Many modern folklore scholars should seek the opportunity to thoroughly analyze and introduce the songs of the Siberian cycle in scientific discourse, since such songs are a phenomenon in the folklore of the Mongols. The article aimed to introduce Siberian songs of exile recorded from different performers into scientific discourse, as well as to study the poetics of this cycle.

Keywords: folklore genres, Kalmyk songs, genres, Siberia, author`s song, historical song, hidden song.

For citation: Basangova T.B. Songs about the Siberian exile in the folklore tradition of the Kalmyks (based on field research) //Bulletin of Adyghe State University, Ser.: Philology and Art Criticisms, 2023. No.1 (312). P.72-80. DOI: 10.53598/2410-3489-2023-1-312-72-80.

Введение.

Устное народное творчество, культура калмыков продолжало функционировать в годы депортации в усеченной форме, о чем свидетельствуют многочисленные устные рассказы калмыков, переживших этот трагический период в истории калмыков В калмыцкой фольклористике продолжают изыскания в области изучения песенной традиции калмыков, поскольку в текстах отражен исторический опыт народа, подвергнувшегося насильственному выселению [1].

Песни сибирского периода относятся к потаенному фольклору, поскольку авторы-исполнители песен сочиняли их в условиях несвободы. Тексты потаенного фольклора, в которых отражена сибирская ссылка, следует отнести к 80-м годам прошлого столетия, к периоду гласности, когда фольклористы начали активно собирать их образцы. Уже в 90-е годы прошлого столетия песни о сибирской ссылке были опубликованы в сборниках песен, стали объектом исследования фольклористов. В сборник «Төрскн назрин дуд» («Песни родной земли») вошли тексты семи песен времен сибирской ссылки [2].

Этномузыковед Л. И. Цебииков является составителем сборника «Сто калмыцких песен», среди них

даны тексты семи песен, относящихся к исследуемой тематике, также дан указатель к сибирским песням, имена информантов. В большинстве своем – это личные, авторские песни [3]. Фольклористом Б. Х. Борлыковой также опубликованы песни этого периода, они записаны от Н. Б. Бюрчиева под названием «Сиврин туск дун» («Песня о Сибири» и от М. Н. Ланцыновой – «Сиврин салькнд» («На сибирском ветру») [4]. Одна из авторских песен принадлежит известной сказительнице Т. С. Тягиновой. Эта песня, посвященная депортации калмыцкого народа в Сибирь в 1943 году, была исполнена в документальном фильме «Капли калмыцкой крови», снятом Мариной Ивановой, саратовским документалистом [5]. В репертуаре певицы В. Н. Гаряевой также есть авторская песня о сибирской ссылке [6].

Во время экспедиции в 1960 году прошлого столетия были записаны песня «Хальмгудыг нүүлһснэ туск дун» («Песня о выселении калмыков») относящаяся к периоду депортации калмыков, а также песня последепортационного периода «Хальмгуд Сибрэс ирснэ туск дун» («Песня о возвращении калмыков из Сибири») от жительницы пос. Яшкуль М. Б. Мудаевой» [7]. В готовящемся к изданию томе двуязычного

Свода калмыцкого фольклора песни о сибирской ссылке войдут в раздел «Исторические песни» [8].

Материалы и методы.

В работе применены описательный, фольклористический, сравнительно-исторический методы исследования. Произведения песенного фольклора, посвященные сибирской ссылке калмыков, исследуются в историко-культурном контексте. К анализу привлечены тексты калмыцких песен, в которых отражена насильственная ссылка калмыцкого народа (1943 - 1957), записанные калмыцкими фольклористами начиная с восьмидесятых годов прошлого столетия.

Цель статьи — введение в научный оборот сибирских песен ссылки, записанных от разных исполнителей, а также изучение поэтики этого цикла.

Обсуждение.

Одна из неизученных проблем в калмыцкой истории — это духовная жизнь калмыков во время сталинской ссылки. Есть скудные сведения о проведении калмыками в эти годы календарных обрядов, домашних ритуалов, об исполнении народных песен и танцев. Внутренний протест калмыков выразился, прежде всего, в песнях, посвященных печальному дню выселения калмыков 28 декабря 1943 года и тринадцати годам сталинской ссылки. Жанровое обозначение песни у монгольских народов — *дун*. Другое значение слова *дун* — это звук, голос, исполнять песни — это *ду дуулх*. Песни калмыков были непосредственно связаны с хозяйственной, бытовой и обрядовой деятельностью степняка-кочевника. Исполнительство калмыцкой песни легло в основу их жанровой характеристики — *ут дун* — это протяжная песня, *ахр дун* — краткая песня.

Песни калмыков периода сибирской ссылки относятся к историческим, ибо в них, несмотря на тринадцатилетний запрет на культуру и язык, отражены в поэтической форме трагические события тех лет.

Несмотря на тотальный запрет на культуру калмыков, язык, обычаи, обряды, религию, калмыки сочиняли песни, в которых описывалась их горестная судьба, ибо в текстах часто звучит описание эмоционального состояния калмыков, подвергшихся тяжелым испытаниям, выраженные как *уульх* — плакать, *нашута нульмсн асхрна* — горькие слезы проливаются, *зовлң* — «страдание», *хундх* — «обижаться», характеризующих плачевую культуру калмыков. Эмоциональное состояние калмыков и трагедия переселения отмечены выражениями *уулюлад-шууглулад* — «плача и рыдая». В песнях-плачах отражена история ссылки калмыцкого народа. В них незримо звучат сетования: «Почему так случилось?», «Кто виноват в этом?». В песнях о сибирской ссылке звучит проклятие в адрес отца народов И. В. Сталина.

Калмыцкие фольклористы в течение долгого времени записывали все случаи исполнения этих песен в годы так называемого «брежневского застоя». Во время празднования 30-летия победы над фашизмом в 1975 году в Москве студент ГИТИСа Александр Зердеев исполнил одну из песен протеста на концерте под аккомпанемент домбры. Большинство слушателей, собравшихся на летней эстраде, не знали калмыцкого языка, может это и спасло студента от наказания. Но, видимо, сам студент получил моральное удовлетворение и был горд тем, что выразил своим негласным исполнением боль народа. Песня, которую он исполнил, называлась «Песня, проклиная Сталина». В песнях — проклятиях звучит тема холодного сибирского ветра, олицетворяющего тяжелую жизнь калмыков в сибирской ссылке. В песне «На сибирском холодном ветру» («Сивин киитн салькнд») звучит проклятие Сталину: *Маниг туусн Сталин, махичн ноха идтхэ*. «Нас выславший Сталин, пусть твое тело едят собаки» [9: 118]. В

репертуар известной певицы Валентины Гаряевой входила песня «Туугдлһн» («Ссылка»), в тексте которой звучит проклятие в адрес Сталина: *Сталин, чини насн ахр болха*. «Сталин, пусть твоя жизнь будет недолгой» [6: 76].

У калмыков есть множество вариантов этой песни. Её содержание составляет описание всех страданий, унижений, которые калмыкам пришлось испытать. Калмыки втайне обращались к магии слова, чтобы как-то выразить свое отчаяние и возмущение несправедливостью, допущенной по отношению к ним [10].

В песенном фольклоре народов, начиная с 1929 года, когда праздновали 50-летие Сталина, до самого полного расцвета культа личности, который достиг апогея в 1937 году, отражен образ вождя. Не исключением была и калмыцкая фольклорная традиция: кроме песен, знатоки фольклора сочиняли благопожелания – *йорелы*, которые публиковались на страницах газет разного уровня. В указанный период были проведены две фольклорные экспедиции, материалы которых опубликованы в 1941 году на калмыцком языке в «Хальмг фольклор» («Калмыцкий фольклор»), в котором опубликованы тексты песен и благопожеланий. Видимо, обязательным условием идеологии тех лет было создание произведений устного народного творчества в целях укрепления власти Сталина. Но уже в сибирской ссылке рождались в народе песни-проклятия, прямо противоположные восхвалениям. В одной из песен есть упоминание о древней прародине калмыков – Алтае. Б.Б. Оконов в одной из наших бесед сообщил, что во время записи этих песен один из пожилых людей говорил о ссылке «Хальмгуд Алтад нүүһэд һарв» («Калмыки перекочевывают на Алтай»), видимо, полагая, что древняя прародина Алтай будет к ним милостлива. Сезонные перекочевки калмыков также обозначали как

нүүдл, как и в фольклоре репрессированных калмыков – устных рассказах, песнях. Но в некоторых текстах песен ссылка обозначена как *Туугдлһн* «Ссылка». Слово *туугдлһн* в своем первоначальном значении образовано от *туух* – «перегон» или *малын туугдлһн* – «перегон скота», а только во втором переносном значении (касается передвижения людей) обозначено как «ссылка, высылка» [11: 518]. Несправедливость, которой подверглись калмыки, выражена следующими словами: *килһц уга хальмгуд* – «безгрешные калмыки». За перегоном скота, будь то коровы или овцы, следят пастухи, за массовой ссылкой людей – военные. Ссылные люди в народном сознании приравнены к скоту. Перекочевка в хозяйственной жизни калмыков является единственным методом охраны народа от стихийных бедствий природы, методом доступного, бережливого использования пастбищ. Перекочевка нашла отражение в калмыцком фольклоре в приметах, *йорелах* – благопожеланиях, песнях. У калмыков существовали запреты, которые не нарушали при перекочевке: Обряд, называемый по-калмыцки *буур сольх*, совершался тайно, о его дне, по сведениям информантов, никому не говорили. У калмыцкого рода «эркетен хапчин» был запрет – при смене кочевки, после того как сложат юрту, не давали посторонним ни воды, ни молока, ни огня. Если эти табу нарушались, верблюды становились на дыбы и громко кричали [12]. Калмык-скотовод исполнял песню тайно *этүдәр дуулдг дун*. Песни о сибирской ссылке также исполнялись тайно.

В адыгской фольклористике также выявлены подобные образцы, представляющие традиционный жанровый спектр адыгского фольклора: исторические *гъыбзэ* – «плачи», лирические, очистительные, шуточные песни; мемораты – устные рассказы, воспоминания, предания, связанные с теми или иными

событиями [13]. Фольклористами Адыгеи исследованы песни-плачи сибирской ссылки в кабардинской и шапсугской фольклорных традициях. Общим для этих песен является образ Сибири. Исследуемые песни посвящены известным событиям – репрессиям 30-х годов XX века и содержат ряд типологически сходных сюжетов, образов из текстов сибирских песен калмыков – образы холодной Сибири и вагонов, покрашенных в красный цвет – цвета человеческой крови [14].

Дорога, путь в мифопоэтических религиозных моделях мира у разных народов является прообразом связи между точками пространства, «где сходятся высшие сакральные ценности мира, путь соединяет и нейтрализует противопоставления: свой – чужой, внутренний – внешний, близкий – далекий, видимый – невидимый, сакральный – профанический. Отмеченность начала и конца пути как двух крайних точек – состояний, пределов – выражается предметно (дом – храм или дом – иное царство), изменением статуса персонажа, достигшего конца пути, нередко и его внешнего облика» [15].

В текстах сибирских песен названо место отправки в ссылку, а также название транспорта, на котором доставили калмыков в Сибирь: *Көк теңгсин көвэд / «Коммунизм» гидг пароход / Киитн Сивртнь күргв // «С берега Каспийского моря пароход с названием «Коммунизм» доставил в холодную Сибирь» [16: 8-9].* Таким образом, слова «путь» и «дорога» в словарных статьях даются как синонимичные. Однако значение слова *хаалһ* – «дорога» в калмыцкой культуре гораздо шире. В целом это понятие связано с понятием «счастье» – *кишг*. У счастливого человека, по представлениям калмыков, отраженным в фольклоре, дорога должна быть всегда открыта. Заговорные тексты, ритуалы, совершаемые людьми, должны обеспечить им хорошую, благополучную дорогу или в переносном значении «белую

дорогу». В песнях сибирской ссылки традиционный концепт «белая дорога», звучащий в калмыцких благопожеланиях получает прямо противоположную окраску «*му хаалһ*». В зачине песен сибирского цикла обозначено время начала ссылки – это 28 декабря 1943 года, далее представлен образ поезда, составленного из вагонов-товарняков, предназначенных для перевозки скота: *Шар-шар поезд-машинь / Шаргулад чирэд харна // «Желтый поезд – машина, громко выехал, волоча нас»; Чирлдэд харсн вагонднь / Чиккдэд цугар суувидн // «Сели мы в вагоны, тянущиеся один за одним/ Еле втиснувшись, сели».* Отражено и другое средство передвижения репрессированных калмыков – это крытая американская машина, на которых довозили до поезда: *Буркэтэ америкин машинднь // «Крытая американская машина»* или *Күчтэ америкин машин // «Сильная американская машина».* В песнях отражены названия тех мест, через которые следовал поезд. Начало пути, откуда отправляли репрессированных, железнодорожные станции Котельниково, Дивное, Сталинград. В авторской песне Ц. К. Джаргаевой начало пути районный поселок Яшкуль – конец пути – сибирский поселок Гиидр (Гидро) [6].

Путь репрессированных калмыков в песне Веры Поповой пролегал от станции Дивное (калм. Дивэ) до хакасского города Черногорск, где они начали работать в каменном карьере. В песне рефреном звучит обращение к высшим силам за покровительством: *Деерк бурхн ориштха!* – «Пусть нам покровительствуют Будды». В песне говорится о судьбе детей репрессированных, которые вместе со взрослыми отправляются в далекую холодную Сибирь: *Кегшин бичкн хойриг / Баглад авад харв/ Баглад авад харв / Баглад авад харвчн / Балһсн болгнар тарувидн // «Собрали и стариков, и детей / Всех собрали воедино / Хоть собрали воедино / Но разбросали по всем городам».* Подростки и дети, выросшие в депортации, были

тоже невольными свидетелями унижения целого народа. У калмыков сложилась определенная лексика в обозначении юного поколения, выросшего и родившегося в период сталинской ссылки – детей, высланных вместе с родителями именовали как *һазрин куукд*, то есть дети, родившиеся на родной земле – в Калмыкии до 1943 года, дети, родившиеся в депортации обозначались как *сиврин куукд* «сибирские дети». Таким образом, в сибирских песнях, в которых главным персонажем являются калмыки, уже в дороге, согласно Топорову, меняется статус персонажа, калмык-кочевник, оставивший невольно широкие и привольные степи становится ссылкой бесправным человеком, людоедом, как звучит в авторской песне Ц. К. Джаргаевой *Кү иддг улс гижэ, Күүкднь һарч зулжсала* // «Сказали о нас, что мы (калмыки) людоеды / Дети избегали нас» [17]. В калмыцких песнях о ссылке представлен животный мир, птицы: *Һалун* – «гусь», *кермн* – «белка», *тоһрун* – «журавль», *шовун* – «птица», *керэ* – «ворона». Песни-плачи строятся на параллелизмах с одной стороны – это образ животного, птицы, с другой, – это эмоциональное состояние человека. Глубока печаль, охватившая народ в ссылке. Она выражена следующими строками: *һалун гидг шовунь / һазран эргжэ ниснэ / һазр усан санхнь / һашута нульмси асхрна / Кермн гидг аңгнь / Кең сээхн аңгви / Киитн Сиврин зовлжиг, Кезэ-кезэ мартхви?* // «Птица – гусь, печально кружится над землей / Когда я думаю о родной земле / Горькие слезы льются / Белка-зверек, / Удивительно красива, / Страдания холодной Сибири / Когда-когда забудем?»

В традиционной поэтике исследуемых песен встречаются поэтические образы, сравнение и метафоры, характерные песням монголоязычных народов. Сибирскую тайгу спецпереселенцы называют *г шуһу модн* в одной из песен, жанр которой можно определить как песня-плач – воспоминание

о мирной жизни, где поэтически описана природа родной степи: *Зунын һурвн сарднь болхла, Зурмна аңгь чишкнэд бээнэ / Тоһрун гидг шовун / Толһа эргэд ниснэ. / Тоглюлад өсксн ээж-аав / Толһан сүүднь үлдв //* «В три летние месяца / Раздается свист сусликов / А птицы-журавли, / Кружатся над курганом. / Нежно растившие меня родители / Захоронены у подножия кургана». Шум американских машин перекликается с пением степных птиц: *Бүтү будткта машина дун / Богшурһа дуунла ниилүнэ, / Богшурһа дуунла ниилв чигн / Босхад авад һарна.* // «Звук машины с глухой будкой / Сливаются с пением птички-богшурга / Хотя и слышно пение птички-богшурга / Нас увозят в безызначность». Степь, которую оставили калмыки, авторы песен характеризуют как осиротевшую: *Элвг, у те-егм мини, өнчрэд, ардм үлднэ* // «Богатая, широкая степь моя, осталась, позади осиротевшая». Реальность этой метафоры подтверждается воспоминаниями людей, оставшихся в калмыцкой степи после высылки калмыков хотоны опустели, осталось множество бесхозного скота, тоскливо завывали собаки, чужа недоброе, блеяли овцы, мычали коровы. В песнях-плачах почти нет упоминания о материальных ценностях, но есть упоминания об оставленных животных: *Сарлң, һалзн үкрмүднь / Салаболһар мөөрнэ* // «Коровы со звездочкой на лбу / мычат в каждой балке» // *Улан һалзн малмуд / Уульңд мөөрэд үлдв.* // «Красной масти коровы / Остались на улице мычать». В песнях калмыки как изгнанные с родной земли оплакивали разлуку с домашними животными. Но вместе с тем у калмыков теплилась надежда, что справедливость восторжествует. Мысли о возвращении на Родину, в калмыцкие степи: *асхрсн нульмси арчад йовхнь / аитнь үнн һатлх болтха / вытирая льющиеся слезы / в конце концов правда восторжествует* [17].

В песне «На сибирском ветру» исполнитель песни, будучи в сибирской ссылке, воображает, что степь, которую они покинули не по своей воле расцветет, что у калмыков еще есть «счастье»: *Хур орснь цагт/хар назрнь назрнь көкрх/хөвнь ирсн цагтнь, цагтнь/хальмг чигн жирһк, жирһк.* // «Когда пойдет дождь / черная земля станет зеленой / придет время / когда будут счастливы калмыки». В песнях звучит тема сульбы, выражающаяся словосочетание -тенгрин заян «веление судьбы, веление неба», которое неотвратимо [9].

Заключение

Несмотря на тотальный запрет на культуру калмыков, язык, обычаи, обряды, религию, калмыки сочиняли песни, в которых описывалась их горестная судьба. Сибирские песни о ссылке являются свидетельством этого несправедливого исторического факта, облаченного в плачево - лирическую

форму, это песни-плачи – воспоминания о трагических событиях. традиционной поэтике исследуемых песен встречаются поэтические образы, сравнение и метафоры, характерные песням монголоязычных народов. В песнях проходит рефреном мысль, что в трудную минуту калмыки обращаются к Будде, к своим небесным покровителям. В большинстве песен встречается имя Сталина, который является адресантом проклятия, что позволило выделить среди песен ссылки песни-проклятия. Количество этих песен пока не поддается подсчету, но они отражают фольклорную традицию того сурового времени. С точки зрения исполнительства - это и протяжные, и краткие песни, которые пелись под аккомпанемент калмыцкой домбры. По общей классификации калмыцких песен они относятся к историческим.

Примечания:

1. Басангова Т.Г. Калмыцкая фольклорная традиция в ссылке и после нее // Репрессированные народы: история и современность, 28-29 мая 1992 года. Элиста, 1992. С. 70-72.
2. Төрснн назрин дуд / сост. и предисл. Б.Б. Оконов. Элиста, 1989. 318 с.
3. Цебииков Л.И. Сто калмыцких народных песен. Элиста, 1998. С. 121-125.
4. Борлыкова Б.Х. Песни сибирского цикла в репертуарах Б.П. Амбековой и Н.Б. Манджиева: опыт кластерного описания лексики // Репрессированные народы: история и современность: материалы Всерос. науч. конф., 26–28 ноября 2013 года, г. Элиста. Т. 1. Элиста, 2013. С. 241-245.
5. Т.С. Тягинован амн урн үгин көрңгэс = Фольклорные материалы из репертуара Т.С. Тягиновой. Самозапись 2004–2010 гг. / предисл. Н.Г. Очировой; сост., коммент. Б.Б. Горяевой. Элиста: КИГИ РАН, 2011. 230 с.
6. Гэрэн В.Мини жирһлин дуд. Элст, 2006. С.76.
7. Болдырева И.М. Песни о выселении калмыков и их возвращении из Сибири, записанные у информанта М.Б. Мудаевой // Бюллетень Калмыцкого научного центра РАН. 2020. № 3. С. 257-269.
8. Басангова Т.Г., Манджиева Б.Б. Свод калмыцкого фольклора – памятник духовного наследия калмыков // Эпическое наследие народов мира: традиции и этническая специфика: материалы Междунар. науч. конф. (г. Якутск, 06–08 июля 2017 г.). Якутск: Алаас, 2017. С. 6-7.
9. Цебииков Л.И. 100 калмыцких песен. Элиста, 1991.
10. Борджанова Т.Г. Магическая поэзия калмыков. Элиста, 1999. С. 63.
11. Хальмг - орс толь. Элиста, 1980. С. 518.
12. Басангова Т.Г. Обряд перекочевки в калмыцком фольклоре // Трофим Алексеевич Бертагаев: к 100-летию со дня рождения: сб. науч. ст. Элиста: Джангар, 2005. С. 231-237.

13. Кудяева З.Ж. Потаенный фольклор революционного и советского времени (к постановке проблемы) // Вестник Адыгейского государственного университета. Сер.: Филология и искусствоведение. Майкоп, 2018. Вып. 3 (222). С. 189-197.

14. Унарокова Р.Б., Хатуова А.А. Песни-плачи сосланных в Сибирь в адыгском фольклоре // Вестник Адыгейского государственного университета. Сер.: Филология и искусствоведение. Майкоп, 2012. Вып. 4 (107). С. 128-133.

15. Топоров В.Н. Путь // Мифы народов мира. М., 1987. Т. 2. С. 352.

16. Эмд булг (Ц.К. Жаргаеван фольклорн репертуар) / Барт белдснь Н.Ц. Биткеев. Элст, 1993. 77 х. = Живой родник (из фольклорного репертуара Ц.К. Жаргаевой) / сост. Н. Биткеев. Элст: Джангар, 1993. С. 8-9.

17. Басангова Т.Г. Прозвищный фольклор о калмыках в годы ссылки // Восстановление национальной государственности репрессированных народов России и перспективы их развития на современном этапе, 12–13 янв. 2007, г. Элиста. Элиста, 2007. С. 134-135.

References:

1. Basangova T.G. Kalmyk folklore tradition in exile and after it // Repressed peoples: history and modernity, May 28-29, 1992. Elista, 1992. P. 70-72.

2. Songs of the native land // comp. and a preface by B.B. Okonov, Elista, 1989. 318 pp.

3. Borlykova B.Kh. Songs of the Siberian cycle in the repertoires of B.P. Ambekova and N.B. Mandzhieva: the experience of cluster description of vocabulary // Repressed peoples: history and modernity: materials of All-Russia scient. conf., November 26-28, 2013, Elista. Vol. 1. Elista, 2013. P. 241-245.

4. Tsebikov L.I. One hundred Kalmyk folk songs. Elista, 1998. P. 121-125.

5. Folklore materials from the repertoire of T.S. Tyaginova. Self-recording of 2004–2010 / foreword by N.G. Ochirova; comp., comment. by B.B. Goryaeva. Elista: KIGI RAN, 2011. 230 pp.

6. Garyaeva V. Song in my life. Elista, 2006. P.76.

7. Boldyreva I.M. The deported and returned: Siberia-related Kalmyk songs recorded from M.B. Mudayeva // Bulletin of the Kalmyk Scientific Center of the Russian Academy of Sciences. 2020. No. 3. P. 257-269.

8. Basangova T.G., Mandzhieva B.B. Corpus of Kalmyk folklore: a monument of the spiritual heritage of Kalmyks // Epic heritage of the peoples of the world: traditions and ethnic specificity: materials of the Intern. scient. conf. (Yakutsk, July 06-08, 2017). Yakutsk: Alaas, 2017. P. 6-7.

9. Tsebikov L.I. 100 Kalmyk songs. Elista, 1991. P. 118.

10. Bordzhanova T.G. Magical poetry of the Kalmyks. Elista, 1999. P. 63.

11. Kalmyk – Russian Dictionary. Elista, 1980. P. 518.

12. Basangova T.G. Migration ritual in Kalmyk folklore // Trofim Alekseevich Bertagaev: on the 100th anniversary of his birth: collection of proceedings. Elista: Dzhangar, 2005. P. 231-237.

13. Кудяева З.Ж. Undercover folklore of the revolutionary and Soviet period (statement of the problem) // Bulletin of the Adyghe State University. Ser.: Philology and the Arts. Maikop, 2018. Iss. 3 (222). P. 189-197.

14. Unarokova R.B., Khatuova A.A. Cry songs of people exiled to Siberia in the Adyghe folklore // Bulletin of the Adyghe State University. Ser.: Philology and the Arts. Maikop, 2012. Iss. 4 (107). P. 128-133.

15. Toporov V.N. The Way // Myths of the peoples of the world. M., 1987. Vol. 2. P. 352.

16. Living spring (from the folklore repertoire of Ts.K. Zhargaeva) / comp. by N. Bitkeev. Elista: Dzhangar, 1993. P. 8-9.

17. Basangova T.G. Alias folklore about the Kalmyks during the years of exile // Restoration of the national statehood of the repressed peoples of Russia and the

prospects for their development at the present stage, January 12-13. 2007. Elista. Elista, 2007. P. 134-135.

Статья поступила в редакцию 12.01.2023; одобрена после рецензирования 19.02.2023; принята к публикации 24.03.2023.

The paper was submitted 12.01.2023; approved after reviewing 19.02.2023; accepted for publication 24.03.2023.

© Т. Г. Басангова, 2023